

Владимир Иванович Степаненко

Десять выстрелов

"...Со времени моей первой охоты прошел не один десяток лет. Только теперь я понял, что благодаря Мишке открыл удивительный мир: я увидел стремительный полет белки, красное солнце морозного утра, текущий с деревьев снег. Я исходил много лесов и полей, но не стал охотником и совсем об этом не жалею."

Во всем был виноват капитан Сорвиголова. Я скакал рядом с ним на горячем коне. В руке сжимал винтовку.

В комнате было темно. Зимние сумерки незаметно подкрались к городу. Занавески на окнах посинели, как будто намокли в воде. На повороте, за углом нашего дома, ошалело звонили трамваи. С их горбатых дуг дождем сыпались искры. Они казались мне пулями. Я прятался от врагов, переползал, опрокидывая стулья, и сам метко стрелял.

Мама пришла с работы и щелкнула выключателем. На ее пальто длинными прядями висели белые нитки - цех шил мужское белье. От яркой электрической лампочки я зажмурился. Когда открыл глаза, на клеенке, рядом с чернильными пятнами, лежали тетради и ненавистные мне учебники.

- Коля, что ты натворил! Весь дом перевернул вверх тормашками. За уроки еще не брался? Посмотришь, отцу расскажу!

- Успею. Нам мало задали. - Я принялся подымать стулья.

Несколько раз подряд я перечитывал условие задачи, но ничего не мог понять. Перед глазами скакали на горячих конях буры, шло сражение.

Я посмотрел в угол, где сиротливо стояла щетка. "Разве это ружье? Надо настоящее!" Желание родилось случайно, но сразу же завладело всеми моими мыслями. Я уже не мог смотреть на учебники, не мог ни о чем думать.

Ночью опять выпал снег. Из-за горбатых сугробов трудно было узнать нашу улицу и маленькие двухэтажные домики. Под снежными шапками они показались мне большими, как будто привстали на носки.

Ружье не давало мне покоя. Утром, вместо того чтобы идти в школу, я решил отыскать магазин, где продают охотничье снаряжение. Я недавно переехал жить в Москву и еще не отваживался уходить далеко от дома. Знал дорогу в школу, магазин и булочную.

В те годы у нас на улице стояла пожарная каланча. Перед высокой башней я остановился и по скрипучим намороженным ступенькам полез наверх.

Дежурный со свекольно-красным лицом, в огромном бараньем тулупе тяжело повернулся ко мне.

- Ты куда? Сматывайся вниз!

- Дядь, мне магазин отыскать надо.

- Какой еще магазин?

- Где ружьями торгуют.

- Не увидеть, далеко больно! - Пожарный показал рукой в центр города и отвернулся.

Скоро кончилась наша улица. Надо было идти дальше. Я испуганно втянул голову в плечи и сжал в кармане пальцы в кулак. Незнакомые дома смотрели угрюмо и неприветливо. Особенно я боялся подворотен, откуда каждую минуту могли вылететь мальчишки.

Шел, шел - и вдруг оказался перед большим магазином. С витрины на меня летели дикие утки. Подымался густой камыш с метелками.

Я чуть не задохнулся от волнения. Стоило мне перевести взгляд, и я увидел ружья. Вороненые

стволы блестели от масла. В одном ряду были одностволки и двустволки. Дешевые и дорогие. Долго я стоял перед витриной, замерз. С опаской двинулся к двери.

В магазине какой-то мужчина выбирал одностволку. Он поочередно вскидывал ружья, которые ему подавал продавец, переламывал стволы и, прищуривая один глаз, долго смотрел.

На голове у мужчины был большой заячий треух. Когда мужчина взмахивал головой, с треуха сыпались волоски, как легкие снежинки.

- Двустволку советую купить! - сказал продавец. - Есть штучные!

- Не к чему деньгами сорить! - Мужчина улыбнулся. - Мы из одностволки сколько хошь зайцев набьем. С ней и расход меньше. Сам знаешь, дробь в цене, а много ли я на сковороде накаю.

- Понятно, - кивнул продавец.

Я простоял в магазине до самого закрытия и хорошо уяснил: с двустволкой - лишний расход. Лучший бой у одностволки.

При свете электрических лампочек снег казался желтым, как медовые конфеты. Перед нашим домом толпились жильцы. Впереди в длинном бобриковом пальто стоял домоуправ. У него болели зубы, и щеки были завязаны большим теплым платком. Деревянной лопатой он делил снежные сугробы: каждая квартира должна будет убрать свой участок.

- Колька, ты где шатался? - накинута на меня мама. - Отец в ночь работает. Кто будет снег возить?

- Я свезу.

Быстро перекусив, я установил на сани большой фанерный ящик из-под папирос "Дукат" и принялся набивать его снегом. На улице было много ребят, и работалось весело. Я быстро управился с кучей и подрядился возить снег соседке.

- Колька, - спросил высокий, как жердь, Мишка Серганов, - сколько запросил?

- Пятьдесят копеек.

- Дурак! Продешевил. За такую кучу рубль берут.

Скоро у меня в кулаке были зажаты первые заработанные деньги. Кошелек не было, и для надежности я завязал медяки в угол носового платка.

- Кольк, пойдем завтра в кино? - Мишка зашмыгал носом. - Две серии идут "Мисс Менд".

- Не хочется.

- Мировецкая картина! Все время стреляют. Ребята рассказывали. Он убегает, и его ловят. Здорово! Я у тебя на билет не попрошу, не бойся. У меня деньги есть. Не пойдешь?.. Деньги копишь?

- На ружье собираю.

- Какое ружье?

- Настоящее.

У Мишки хищно блеснули глаза.

- Деньги достанешь?.. Есть у меня двадцатка.

- Что? - не понял я.

- Одностволка, двадцатого калибра. Эх, ты, тюха-матюха!

У меня сперло дыхание. Я с удивлением разглядывал Мишку, его разные глаза: левый зеленый и правый голубой.

Через некоторое время он появился во дворе с настоящей одностволкой. Я бережно взял ее в руки. Попробовал переломить, как это делал мужчина в заячем треухе, но мне не удалось.

- Не умеешь! - Мишка переломил ружье.
Я припал глазом к круглому стволу. Но сколько я ни смотрел, ничего не смог увидеть.
- Ты на свет vedi, - подсказал мне Мишка.
Перед глазами мелькнула электрическая лампочка. Но ствол был черный: в нем гас свет.
- Тебе не купить. Где пятнадцать рублей достанешь? Я бы в придачу дал еще патронташ и десять патронов.
- Дорого, - нерешительно сказал я. - В магазине... я сам видел...
- Да чего говорить! Денег у тебя все равно нет!
- Я достану.
- Будут деньги, тогда поговорим.
Я двинулся вдоль домов и принялся считать снежные кучи. Я не заметил, как оказался на чужой улице. Если заработаешь с каждой кучи по пятьдесят копеек, то возить снег мне нужно две недели подряд.
Утром я снова прошелся по улицам и сосчитал все кучи. Около углового дома на чужой улице меня остановил мужчина.
- Снег с крыши будешь сваливать?
Я сразу догадался, что это домоуправ. Подумал, не родной ли он брат нашего домоуправа: на нем было такое же длинное бобриковое пальто и большие подшитые валенки с кожаными задниками. У него не болели зубы, но жилистая шея была старательно обмотана большим шарфом.
С головы у меня слетела шапка, когда я посмотрел на крышу четырехэтажного дома.
- Пять рублей заплачу. Сосульки собьешь - еще полтинник подброшу.
Я спрятал портфель с учебниками в сугроб и полез по пожарной лестнице на крышу. Пусть решают в школе задачи, а я буду зарабатывать деньги на ружье! Трудно было начинать. Снегу навалило много, и мне казалось, что я никогда не доберусь до кровли. Когда на крыше пролегла длинная дорожка, стало легче.
Взмокший, тяжело дыша, я через несколько часов предстал перед домоуправом.
- Ты чего на меня выставился? - домоуправ посмотрел строго поверх очков.
- Сбросил снег с крыши. Платите.
- А убирать с тротуара кто будет?
- Не договаривались...
- А я не рядился с тобой только на одну крышу. Свезешь снег во двор - получишь деньги.
- Я отца позову. Ему заплатите.
- Малец, стой! А отца твоего как звать? Может, я его знаю?
- Гринчиком зовут! - Я назвал самого сильного пожарного, которого боялись даже хулиганы.
- Какой ты парень нескладный! Почему сразу не сказал? С тобой и пошутить нельзя. Будешь снег возить - еще два рубля заплачу.
Снег возил я до самого вечера. Хорошо, что чужие ребята помогли мне, а то бы я никогда не справился.
Через несколько дней со всех улиц снег свезли во дворы. Мне пришлось отправиться в школу. Вместе с мамой. Ее вызвал директор. Так прекратилась моя "рабочая" деятельность.
Вскоре я установил, что можно скопить деньги, если бегать в булочную, в магазин и в лавку за керосином, а сдачу оставлять себе.
...Настал день, я вручил Мишке все деньги. Мишка долго считал. Хитро прищуривал свои разные глаза. Левый - зеленый - странно темнел и сверлил меня, как острый буравчик.
- Деньги не украл?

Мишка вынес двадчатку поздно вечером. Только теперь я разглядел, что расколотый приклад стянут медной проволокой.

- Хочешь, поедem на охотy? - сказал неожиданно Мишка. Его правый - голубой - глаз выражал товарищеское участие. - Я возьму ружье у старшего брата. Он у меня тракторист. Знаешь, какая у нас в деревне охота! И собака есть!

- Не врешь? - Я не мог поверить привалившему счастью. Удивительно, как меня еще держала земля!

В субботу вечером поезд увозил нас в деревню. Мы с Мишкой

уселись на одной лавке. В вагоне темно. Около свечки лежит рыжий кружок света. Темные углы меня пугают. Мишка разлегся на лавке и скоро захрапел. Я боюсь уснуть и крепко сжимаю руками ружье. За плечами у меня холстинный мешок для дичи. В мешке краюха хлеба, бутылка сидра, кусок колбасы и колотый сахар. Поверх пояса у меня надет патронташ. В кармашках десять патронов. Их красные глазки в упор смотрят на меня. Я иногда торопливо поглаживаю их пальцами, чтобы не видел Мишка. Задерживать руку на патронах боюсь: вдруг они от нагревания взорвутся.

Незаметно мерный стук вагонов меня укачал. На остановках машинист резко тормозил, и я ошалело вскакивал. Первым делом хватался за ружье...

Проводник светит мне в лицо фонарем. Трещит стеариновая свеча.

- Михнево будет... Вам сходить? - Проводник трясет меня за плечо.

Мы шагаем с Мишкой по скрипучему снегу. Здорово морозит. Поле залито лунным светом.

- Идем скорей. Посидим около стога. Зайцы туда завсегда прибегают. Прошлый раз я трех штук убил. - Мишка трет варежкой щеку.

- Трех?

Мне неизвестно, нужно ли сидеть около стога или это Мишкина выдумка, но я сразу соглашаюсь. От высокой стены леса на дорогу легла черная тень. С кустов свешиваются ошметки сена. Я не могу понять, откуда на кустах сено, но стараюсь держаться дальше от тени.

На поле ослепительно белый снег в серебристых блестках. Я еще никогда не видел его таким красивым.

- Коляк, ты дыши глубже. Воздух у нас полезительный! Братень рассказывал, - сообщает мне Мишка. - Раньше женщины в деревне клали стирание белье на снег отбеливать. А теперь нельзя: сажа летит с Москвы.

Но я не слушал Мишку. Не верю его зеленому глазу, хитрому и обманчивому. Доносится глухой скрип. Я вздрагиваю и выжидающе смотрю на товарища.

Мишка не оглядывается назад, шагает как ни в чем не бывало. На плече висят две сумки с булками и баранками.

- Овраг будет. Заяц может выскочить. Ты заряди ружье! - спокойно говорит Мишка. - Их здесь, как в лукошке, набито!

На меня смотрит правдивый голубой глаз. Я не могу понять, как о таких вещах можно говорить спокойно. От волнения никак не могу собрать ружье. А когда поломаны все ногти на руках и ружье собрано, не лезут патроны.

- Курок взвести?

- А как ты думал? Заяц будет сидеть и ждать тебя? Проходи вперед.

Мишка уступает дорогу. Посмотришь на него - настоящий товарищ. Даже зайца ему не жалко! Но мне страшно идти первым. Я взвожу курок. Если Мишка попросил бы у меня ружье, я с удовольствием отдал бы ему. Пусть он сам убьет зайца. Но Мишка молчит. Делать нечего, и я выхожу первым. По сторонам темные кусты. Я держу ружье осторожно и боюсь, чтобы оно вдруг не выстрелило.

- Варежку сними, охотник! Как стрелять будешь?

Дорога скатывается вниз. Овраг глубокий. В тени скрылись кусты, высокий бугор. Я останавливаюсь.

- Топай!

Хорошо приказывать Мишке, а мне страшно. Но в этом нельзя признаться. Я закрываю глаза, тяжело вздыхаю. Осторожно делаю шаг. Постепенно дорога светлеет, и мы поднимаемся в поле. Снег блестит под лунным светом.

- Обманул косой. Видал, сколько он набегал?

- Ага! - Я обрадованно киваю головой и боюсь, чтобы Мишка не вздумал послать меня снова в овраг искать зайцев.

Острый серпик луны опустился ниже к земле. От деревни несется многоголосый собачий лай. Желтыми квадратами светятся окна. Я вижу, что избы завалены снегом по самые окна.

- Надо снег возить, - говорю я Мишке со знанием дела.

- Избу выхолодишь. - Мишка смеется. - Снег, как одеяло: чем больше навалит, тем в избе теплее.

В ноги Мишке бросилась лохматая собака.

- Аза, Аза! - Мишка принялся ласкать собаку. - Коляк, гладь Азу, не бойся... Обрадовалась. Завтра с нами пойдет на охоту. Дай ей колбасы. Страсть колбасу любит!

Я развязываю мешок и принимаюсь искать колбасу. Неизвестно, куда она запропастилась. Я с головой скрылся в мешке, а колбасы все нет и нет. Наконец колбаса в руках. Я отламываю кусок и хочу бросить Азе.

- Дай сюда! - Мишка понюхал колбасу. Зеленый глаз смотрит на меня строго. - Хочешь собаку испортить? Кто с чесноком дает? - Он громко зачавкал. - Тебя еще учить и учить надо!

Мишка затопал по обледелым ступенькам. Я вошел в темные сени. Пахло кислой капустой.

За столом, рядом с самоваром, сидел Мишкин брат - высокий, рослый парень.

- Садись чай пить. Небось, намерзлись?

- Пусть поедят вначале! - Невысокая женщина с добрым лицом - Мишкина мать - суетливо забежала по комнате, загремела ухватом и достала из печи чугунок со щами.

Никогда еще мне не приходилось есть такие вкусные щи. Вслед за щами на столе появился чугунок с картошкой.

- Я сейчас бруснику достану. - Женщина погладила Мишку по голове. - Учишься как? Двойки есть?

- К доске не вызывали. - Мишка дул на картошку и, повернувшись к матери, смотрел на нее голубым глазом.

- Хорошо сегодня посидеть на зайца! - сказал я и посмотрел на Мишкиного брата. Его звали Сергеем. - Луна вон как светит.

- Завтра еще находитесь. Азу возьмите! У меня работа есть, а то бы с вами походил. Мишка тебе дал одностволку?

Я собрался ответить, что купил двадцатку за свои деньги и что Мишка надул меня: у ружья сломан приклад, ствол изъеден ржавчиной. Но Мишка ударил меня под столом ногой и сделал угрожающий знак.

- Пусть поохотится, - сказал Мишка оживленно. - Мы с Колькой вместе снег возили. В городе на всем можно заработать, только не ленись. Снег возишь - деньги платят... Вот угощайтесь баранками. Для вас купил. Они с маком!

- Вы сидели на зайцев ночью? - спросил я Сергея.

- Сидел. Ложитесь спать.

- Убивали?

- Нет.

- А Мишка говорил...

- Врать он здоров... Только слушай!

Мишкина мать вышла, и было слышно, как за перегородкой она взбивала матрац. В комнате запахло сеном.

- Мишк, пойдем посидим, - тихо сказал я. - Сам говорил.

- Говорил... Спать охота. - Мишка зевнул. Зеленый глаз прищурен. - Завтра посидим. Точно говорю!

Нехотя я отправился спать. Мишка скоро захрапел, а я долго еще ворочался и не мог заснуть. Сергей звонко прошлепал босыми ногами по доскам пола. Присел на корточки перед дверкой печки и закурил. Потом прошел через комнату и задул лампу. Запах керосина защекотал ноздри.

Утром меня разбудили. Я испуганно оглядел избу и долго не мог понять, где нахожусь. Мишка сладко посапывал.

- На охоту собираетесь? - спросил Сергей. Лицо у него в мыльной пене, в руках помазок.

Сели завтракать. Я торопливо глотал горячие блины, прихлебывал чай с блюдца. Смотрю на Мишку и злюсь: он долго жует и совсем не торопится.

- Мишк! - Я толкнул его ногой под столом.

- Успеем! - Мишка неторопливо принялся одеваться.

Я удивленно смотрю на него: Мишка вышел из дому без ружья.

- А двустволка где? Сергей не дал?

- С одного ружья постреляем. Раз ты, раз я. Десять патронов нам за глаза хватит!

- Хватит, - согласился я, чтобы только скорей отправится в лес.

Вылетела Аза. С интересом разглядываю рыжую собаку. Хвост закручен, как часовая пружина. На спине черный ремень. На широкой груди большое белое пятно. В белых чулках передние лапы.

Я торжественно закинул ружье за спину. Неторопливо направился с Мишкой через деревню. Лайка бежит впереди. Во дворах заливисто лают собаки, но Аза держится гордо и не обращает на них внимания.

От леса потянуло холодом. Аза сбежала с дороги и сразу провалилась в глубоком снегу. За толстыми стволами деревьев горела красная полоса зари. Утро наступало медленно. Снег не потерял еще ночной синевы.

Вдруг впереди меня вырвался рыжий зверь. Взвихренный снег летит по сторонам. Я вскинул ружье и, закрыв от страха глаза, со всей силы потянул за скобу. Но выстрелов нет.

- Ищи, вот, вот! - кричит Мишка.

Рыжий зверь подлетел ко мне. Это Аза. Мне страшно смотреть на собаку: чуть-чуть я не застрелил ее. Мы пересекаем поляну. Стоят высокие белые березы. Охота должна начаться где-то в другом месте, которое известно Мишке. Вдруг у меня из-под ног, как молния, вылетела большая черная птица. Я ничего не вижу: снежная пыль засыпала глаза. От испуга я уронил ружье.

- Стреляй! - истошно кричит Мишка. - Стреляй, косач!

За первой птицей из снега выпорхнуло еще несколько. А я все ищу утонувшее в снегу ружье.

- Растяпа! - ругается Мишка.

- Сам хорош. Почему ружье не взял? Ведь говорил: раз я выстрелю, раз ты?

Аза от возбуждения визжит. Носится по поляне и сильными лапами раскапывает круглые птичьи лунки.

- Дай ружье.

Мишка бежит за Азой с ружьем между березами, но тетерева больше не взлетают.

С громким тинканьем с дерева на дерево перепархивали беспокойные синицы. Они встряхивали ветки, и с деревьев осыпался иней.

- Надо было убить косача! - вздохнул Мишка. - Растяпа! Эх ты! Десять тетеревов взлетело!

Я молчал. Неожиданно мое внимание привлекла большая елка. Вокруг нее на снегу сверкали золотые чешуйки шишек.

- Белка здесь! - сказал Мишка.

- Хватит врать!

- Вот, вот! - Мишка принялся звать Азу. От громкого крика у него на шее вздулись вены и покраснело лицо.

Лайка вылетела из кустов. Острый нос нацелен кверху. Громко и заливисто залаяла и принялась прыгать на дерево, обдирая острыми лапами кору.

- Белку смотри! Чего стоишь? - набросился на меня Мишка.

Он носился вокруг елки. В азарте выломал острый сук и изо всей силы принялся колотить им по стволу.

Я смотрел на зеленую макушку дерева. Выше по небу плыли легкие облака. На хвое было много снега, и мне казалось, что он тоже плывет вместе с облаками.

Сверху прыгнул рыжевато-серый зверек. Я успел заметить растопыренные лапки и вытянутый пушистый хвост.

- Стреляй! Белка! - завыл Мишка.

Зверек прыгнул на дуплистую березу и, легко оттолкнувшись от шершавого ствола, перелетел на молодую елку.

- Мазила, стреляй!

Аза остервенело лаяла, неслась за белкой, задрал высоко голову с острым носом.

Я вел ружье за белкой. Прицелился и выстрелил. Никогда я не ожидал, что выстрел будет такой громкий. От сильного удара

заломило плечо.

С деревьев потек искрящийся снег. Белка продолжала скакать по верхушкам деревьев как ни в чем не бывало. У меня тряслись руки. Я долго не мог вытащить новый патрон.

- На лещине сидит! Стреляй!

Рыжевато-серый комочек перелетел с ветки на ветку. Я вскинул ружье и выстрелил. Снова промах.

Прыгать белке больше некуда: внизу глубокий овраг, а впереди поле. Путь к высоким деревьям и черному лесу преградило ружье.

- Стреляй! Стреляй!

Аза громко, остервенело лаяла, роняя слюну.

Я выстрелил несколько раз подряд. Белка по-прежнему вертелась на одном месте, распушив хвост. Аза сорвала голос и в изнеможении хрипела. Она прыгала на гибкие ветки орешника и пригибала их к земле.

- Дай сюда, - Мишка вырывает у меня из рук ружье и долго целится, зажмурив глаз.

Из короткого ствола вырывается сноп огня. Когда рассеивается дым, я вижу на кустах лещины прыгающую белку. Я схватил рукой снег и жадно съел. Рядом затрещали кусты.

- Кого стрелял? - закричал пожилой мужчина-охотник. Шуба у него расстегнута. Шапка потеряна. Седые волосы растрепаны и мокрыми прядями прилипли ко лбу. - Я считал: десять выстрелов.

- Белку! - отвечаю я испуганно и смотрю на пустой патронташ.

- Думал, на берлогу наскочили! - Охотник вытер рукой пот со лба. - Думал, медведь задрал.

Я не заметил, когда прибежал на лыжах Сергей. Он был в одном пиджаке. В руках новая двустволка.

- Мишка, ты стрелял?

- Колька.

- Не целился, что ли?

- Я глаз зажимал.

- А ты, Мишка, почему не стрелял? Ружье-то твое!

- Я продал. - Мишка повернул к Сергею голубой, правдивый глаз.

Я видел его зеленый, бегающий глаз и ничему теперь не верил.

- С патронами? - допрашивал Сергей.

- Ага! Жалко дробь стало... я высыпал. Боялся, ты ругать будешь, что продал...

Я готов был избить Мишку. Я не мог смотреть в его сторону.

...Со времени моей первой охоты прошел не один десяток лет. Только теперь я понял, что благодаря Мишке открыл удивительный мир: я увидел стремительный полет белки, красное солнце морозного утра, текущий с деревьев снег. Я исходил много лесов и полей, но не стал охотником и совсем об этом не жалею.

Рис.Н.Борисовой